

УДК 314.72

Е.В. Антонов¹

ТРУДОВАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ПО ДАННЫМ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ 2010 года

Ресурс трудовой подвижности населения в период социально-экономической трансформации – важный фактор, сглаживающий негативные эффекты в экономике. Сталкиваясь с кризисом ее отдельных отраслей, приводящим к высвобождению занятых, российские регионы в 1990-е – начале 2000-х гг. испытали всплеск безработицы – многие предприятия и целые сектора с «неудачной» отраслью специализации были закрыты или существенно сократили численность занятых. Ухудшение экономического положения, отсутствие перспектив трудоустройства требовали от населения адаптации к новым условиям на локальном (поселенческом), региональном и общестрановом уровнях. Конкретными видами такой адаптации стало либо переселение населения на новое место жительства с возможностью трудоустройства уже на новой территории, либо сохранение места жительства с переориентацией на внешние рынки труда. Широкое распространение получили такие традиционные виды «внешней» трудовой активности, как отходничество и маятниковая трудовая миграция.

На возможности такого типа адаптации влияет множество факторов: пространственное положение населенных пунктов относительно внешних рынков труда и потенциальный уровень дохода на них, транспортно-географическое положение, уровень квалификации работников, фактор «традиций» и др. В соответствии с этими факторами в лучшем положении оказались регионы Европейской России с относительно высокой плотностью крупных городов. Важнейшими акцепторами трудовых мигрантов стали федеральные города (Москва и Санкт-Петербург) и окружающие их регионы, трудовой отход в которые в значительной мере смягчил кризис занятости на локальных рынках труда.

На основе данных Всероссийской переписи населения 2010 года исследована внутрирегиональная дифференциация трудовой мобильности населения на уровне муниципальных образований. Для России в целом и для каждого субъекта РФ установлено влияние базовых факторов трудовой мобильности (тип населения и положение относительно ближайшего регионального центра) на ее интенсивность. Составлена типология регионов по исследованным факторам трудовой мобильности. Выявлена группа регионов, в которых эти факторы не оказывают существенного воздействия на трудовую мобильность, что требует дальнейшего изучения ее детерминант.

Ключевые слова: трудовые миграции, маятниковые миграции, перепись населения.

Введение. В последние годы значительно возросло внимание к изучению трудовой возвратной мобильности населения, в частности, ее наиболее распространенных видов – маятниковой трудовой миграции и отходничества (вахтовой трудовой миграции). Большинство работ на эту тему из-за недостатка статистической информации до недавнего времени опиралось на данные о конкретных регионах, агломерациях и городах, а также на косвенные оценки емкости рынков труда и численности экономически активного населения, транспортных потоков и т.д. Они затрудняли формирование целостного представления о многих аспектах трудовой мобильности населения в пространстве России.

Заметный прогресс в ее изучении произошел лишь в последнее десятилетие. С одной стороны, более полной стала исследовательская база – прошла Всероссийская перепись населения 2010 г. (далее – Перепись), впервые была опубликована официальная статистика об интенсивности и направлениях трудовых миграций на уровне регионов. С другой стороны, интенсифицировалось само явление трудовой мобильности, особенно с начала

2000-х гг. Процессы поляризации социально-экономического пространства России [Зубаревич, 2010; Нефедова, 2009, 2010] все более усиливали диспропорции между отдельными частями страны, стимулируя масштабные трудовые миграции из трудоизбыточных регионов в интенсивно развивающиеся городские агломерации и передвижения внутри их пригородных зон. Благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура на мировых рынках сырья в 2000-е гг. поддерживала устойчивый спрос на труд в ресурсных регионах. Наконец, на последнее десятилетие приходится реализация в нашей стране крупных инфраструктурных и прочих инвестиционных проектов (экспортные трубопроводы, объекты для проведения саммита АТЭС во Владивостоке и Олимпийских игр в Сочи и др.), привлечших трудовых мигрантов со всей страны и из-за ее пределов.

Доступность информации о трудовых возвратных миграциях и актуальность темы привели к появлению ряда работ, большей частью посвященных изучению маятниковых миграций в городских агломерациях [Аверкиева и др., 2015; Махрова, Кириллов, 2015; Акимджанов, Сафронов, 2014; Белоборов,

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, кафедра экономической и социальной географии России, аспирант; e-mail: antonovmtg@gmail.com

2014; Чевтаева, Егунов, 2014; Кузьмин и др., 2013; Мальцева, 2012; Некрасова, 2012; Шитова, 2010; Шитова, Шитов, 2008]. Менее разработанным направлением был анализ явления современного «отходничества», однако в последнее время активно развивается и оно [Нефедова, 2015а; Плюснин и др., 2013]. В ряде обобщающих работ последних лет на основе данных выборочных обследований населения по проблемам занятости (ОМПЗ) предприняты попытки исследовать не только количественные и демографические характеристики трудовых мигрантов, но и географию возвратных трудовых миграций в России в целом [Мкртчян, 2009; Нефедова, 2015б; Флоринская и др., 2015]. Однако данные ОМПЗ с выборочным охватом мигрантов, репрезентативные на уровне субъектов РФ, представлены в уже генерализованном виде и не позволяют проводить исследования на более низком территориальном уровне муниципальных образований и отдельных поселений, изучать региональную дифференциацию трудовой мобильности. Такую возможность предоставляют только данные Переписи, до сих пор практически не используемые в исследованиях подобного рода.

Цель работы – выявление влияния базовых географических факторов на внутрирегиональную дифференциацию трудовой мобильности населения с помощью данных Переписи на уровне муниципальных образований. В качестве таких факторов выступают тип населения (сельское, городское) и пространственное положение муниципалитета относительно ближайшей региональной столицы. Предполагается, что для муниципалитетов большинства регионов России эти два фактора по отдельности или в совокупности будут являться основными детерминантами, обуславливающими трудовую мобильность населения. В итоге исследование нацелено на выделение нескольких типов регионов, в которых исследованные факторы будут проявляться с разной силой.

Исследование имеет практическую значимость. На его основе, оперируя выявленными факторами или отсутствием их влияния, а также географическим распределением трудовой мобильности, могут быть решены задачи синхронизации предложения и спроса на трудовые ресурсы путем стимулирования создания новых рабочих мест на отдельных территориях либо повышения пространственной мобильности населения там, где это затруднено объективными причинами.

Материалы и методы исследований. Пространственная трудовая мобильность населения фиксировалась в нескольких ключевых пунктах Переписи населения 2010 года. Важнейшие из них – о местоположении работы (вопросы № 11.2 и 11.3 в переписном листе): в населенном пункте проживания, внутри своего региона, за пределами своего региона с уточнением конкретного субъекта Российской Федерации. Остальные вопросы переписи в комбинации с вопросами о местоположении работы позволяют сформировать «социальный портрет», изучить возрастные, гендерные, экономические и иные характеристики трудовых мигрантов.

Оценка достоверности данных Переписи основана на следующих соображениях. Методология ее проведения предусматривала возможность заполнения переписных листов на основе административных источников при невозможности проведения личного опроса или отсутствии респондента [Федеральный закон..., 2010]. В этом случае должны были быть заполнены только основные графы переписных листов (пол и возраст), однако, по всей видимости, значительная часть дополнительных вопросов, в том числе о месте работы, была заполнена переписчиками «по своему усмотрению» [Андреев, 2012]. Можно предположить, что переписчики при этом либо оставляли графу о местоположении работы пустой, либо указывали (для людей в трудоспособном возрасте), что место работы расположено в населенном пункте проживания, что избавляло их от необходимости дополнительно выдумывать ответы на уточняющие вопросы. Отсюда следует, что общее число людей, работавших за пределами своего населенного пункта, занижалось переписью. Сильнее всего это проявилось в крупнейших городах и в некоторых регионах Северного Кавказа (в последних достоверность результатов Переписи вообще ставится под сомнение [Белобородов, 2014]). При этом к данным о населении, указавшем наличие основной работы за пределами своего населенного пункта, а тем более указавшем конкретный регион выезда, можно относиться с большей достоверностью, поскольку видимых причин «сочинять» эти сведения для непрошенных людей для переписчиков не было. В целом достоверность и полноту данных о трудовой мобильности населения по материалам Переписи можно охарактеризовать как максимальную из всех имеющихся источников (или, по крайней мере, как сравнимую с ОМПЗ).

В исследовании для анализа миграционной подвижности населения широко применялись картографический и статистический методы исследования, а также типологический метод.

Результаты исследований и их обсуждение. По данным Переписи 2010 г. из 64,47 млн человек, имеющих работу, у 85,5% она находилась в населенном пункте их проживания, у 6,94 млн человек (10,8%) – в другом населенном пункте региона, у 2,41 млн человек (3,7%) – в другом регионе. Здесь и далее две последние группы назовем внутрирегиональными и межрегиональными трудовыми мигрантами соответственно, а трудовую мобильность будем оценивать через долю населения, работающего за пределами своего населенного пункта.

В целом по стране трудовая мобильность населения составляет лишь 14,5%, но в отдельных регионах может достигать 25% и более (рис. 1). Еще сильнее дифференциация трудовой мобильности внутри регионов: в некоторых муниципалитетах западной части России ее уровень может превышать 70% (рис. 2).

Максимальная трудовая мобильность наблюдается в регионах Европейской России, где расположены крупные городские агломерации и основные акцепторы межрегиональных мигрантов (Москва, Санкт-

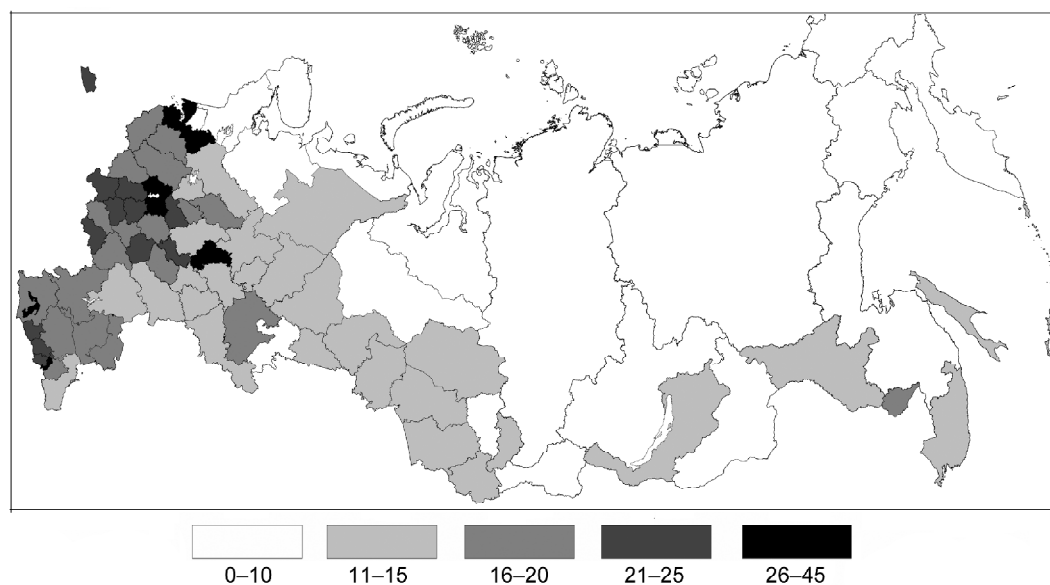

Рис. 1. Доля трудящихся, работа которых находится вне населенного пункта их проживания, %. Здесь и далее границы муниципальных образований приведены по состоянию на 01.01.2015, данные пересчитаны с учетом административных преобразований Москвы и Московской области

Fig.1. Share of workers with job located outside the place of permanent residence

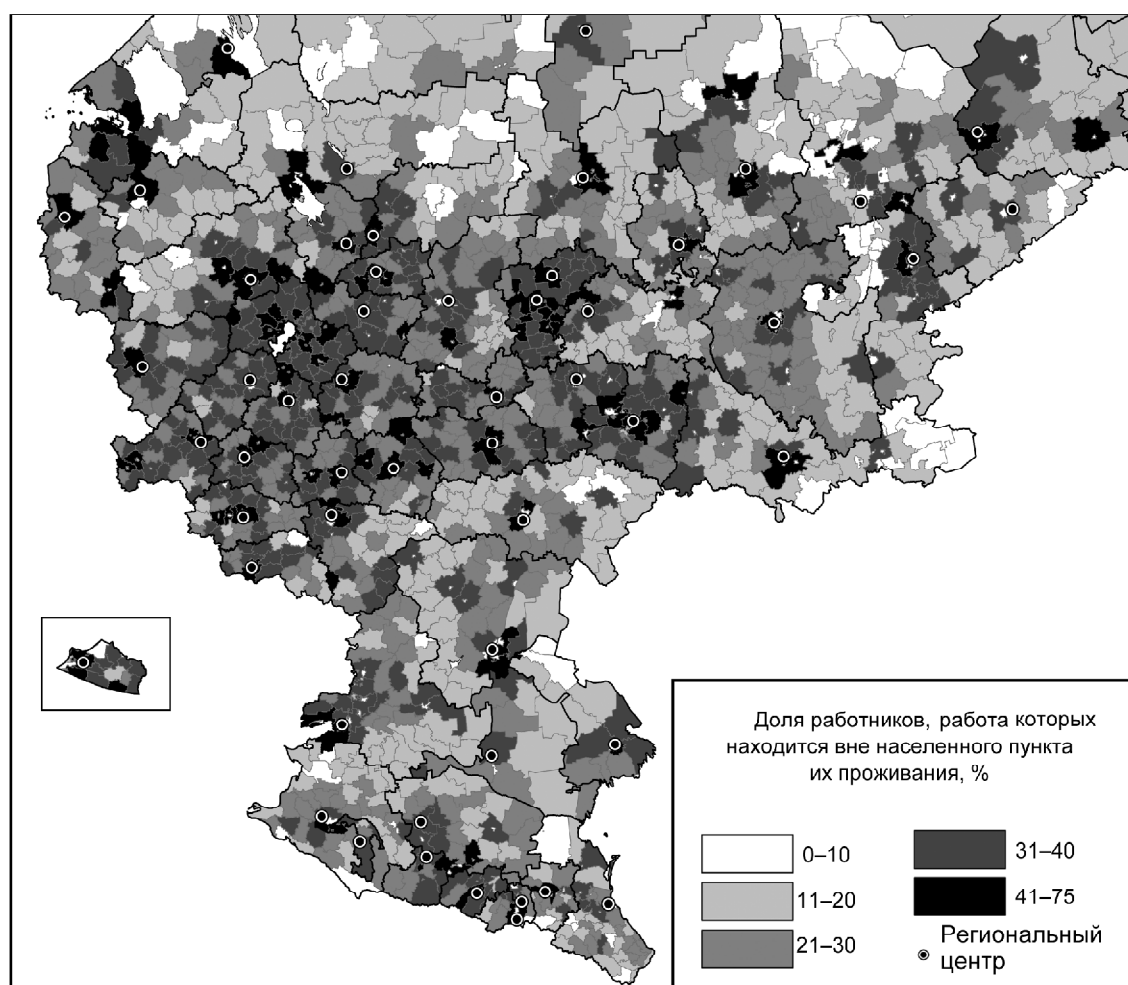

Рис. 2. Трудовая мобильность населения в западной части РФ (фрагмент карты «Трудовая мобильность населения РФ»)

Fig. 2. Labour mobility of population in the Western part of Russia (fragment of map «Labour mobility of Russian population»)

Петербург, Краснодарский край). Высоки значения трудовой мобильности в республиках Северного Кавказа и Поволжья (особенно в Республиках Марий Эл и Чувашия). Меньшей трудовой мобильностью населения характеризуются регионы Севера, Сибири (кроме юга Западной Сибири) и Дальнего Востока.

Фактор типа населения (типа населенного пункта) в трудовых миграциях. Интенсивность трудовых миграций зависит от многих факторов, но влияние лишь небольшого числа из них можно обнаружить только из анализа данных Переписи. Привлечение других источников социально-экономической информации затруднено из-за отсутствия стандартизированных наборов качественных данных на момент проведения Переписи. Даже после трудоемкой процедуры сбора и обработки информации о всех муниципальных образованиях России (более 2,2 тыс.), ее будет недостаточно для проведения сплошного исследования. В связи с этим от исследования потенциальных детерминант трудовой мобильности по данным сторонних источников автор был вынужден отказаться.

На первый взгляд наиболее очевидным и простым фактором трудовой мобильности должен быть тип населенного пункта – сельского или городского, важнейшего фактора социально-экономической дифференциации территории. Предполагается, что в городах возможности для трудоустройства потенциально выше, чем в сельской местности, особенно испытывающей кризис сельскохозяйственной занятости. В пользу этой гипотезы говорит факт большей пространственной мобильности сельского населения почти во всех регионах страны (рис. 3). Исследование на уровне муниципальных образований подтверждает ее значимость в целом для РФ: значение линейного коэффициента корреляции (ЛКК)

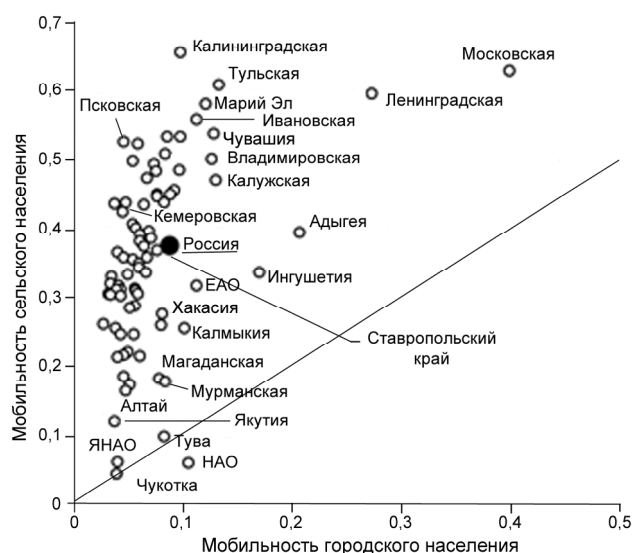

Рис. 3. Трудовая мобильность сельского и городского населения регионов России (без Москвы и Санкт-Петербурга)

Fig. 3. Labour mobility of urban and rural population in regions of Russia

между долей сельского населения и интенсивностью трудовых миграций составляет 0,6 для 2202 муниципалитетов, при этом значительно различаются регионы и части страны. Высокий ЛКК ($>0,5$) отмечен в большинстве регионов Центральной России, Урала и Северного Кавказа (46 субъектов РФ, рис. 4), что позволяет с определенными допущениями сделать вывод о сильном влиянии типа поселения на внутрирегиональную дифференциацию трудовой мобильности.

К регионам-исключениям в европейской части РФ относятся Московская и Мурманская области, Краснодарский край, Республики Адыгея, Ингуше-

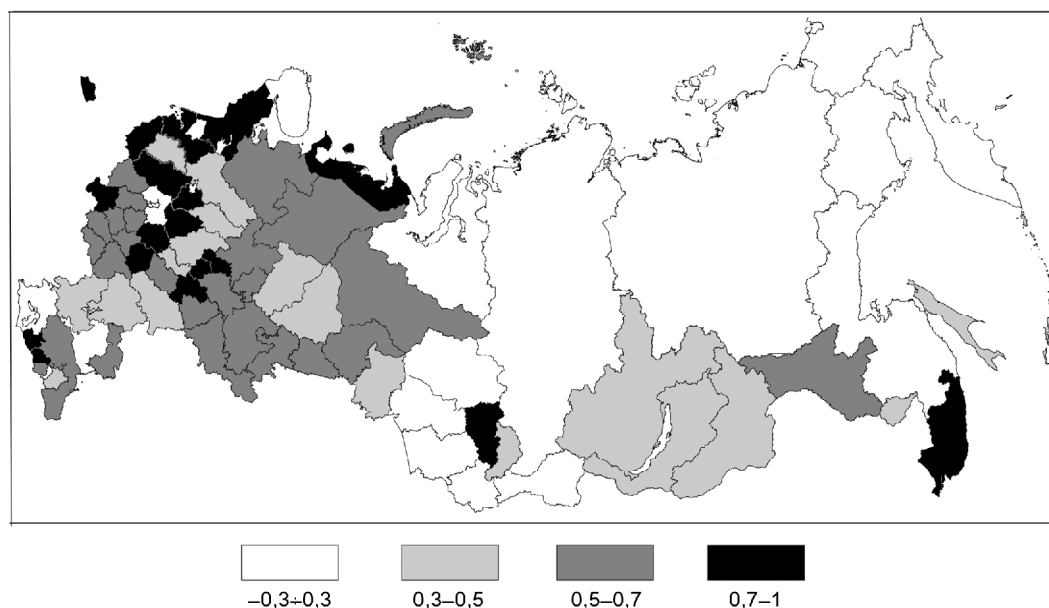

Рис. 4. Распределение значений линейного коэффициента корреляции между долей сельского населения и трудовой мобильностью населения, рассчитанных по муниципальным образованиям для каждого субъекта РФ

Fig. 4. Pearson correlation coefficient (PCC) between share of rural population and labour mobility (calculated by municipalities for each of regions of Russia)

тия, Калмыкия. На большей части Сибири и Дальнего Востока (кроме Тюменской, Кемеровской, Амурской областей, ХМАО, Приморского края) при значительно большей трудовой мобильности сельского населения, чем городского, какая бы то ни было строгая зависимость на уровне муниципальных образований не обнаружена. Видимо, в этих регионах на трудовую мобильность населения (при ее низком уровне) определяющее влияние оказывают иные факторы, прежде всего позиционный. В сочетании со слаборазвитой транспортной инфраструктурой, большими расстояниями, разреженной сетью населенных пунктов вообще и крупных городов в частности этот фактор повышает издержки пространственных перемещений, особенно для маятниковых миграций. Кроме того, в некоторых регионах с относительно успешным сектором сельского хозяйства (Краснодарский и Алтайский края, Омская область и др.) емкость сельских рынков труда в последние 20 лет не испытала катастрофического сжатия, не вызвав процессов масштабного трудового отхода сельского населения в города и другие регионы, как это было, например, в Нечерноземье.

Позиционный фактор в трудовых миграциях. Влияние позиционного фактора на трудовую мобильность населения исследована на основе маятниковых трудовых миграций населения.

Перепись не содержит сведений о частоте и ритме совершения внутрирегиональных и межрегиональных миграций. Поэтому невозможно с полной уверенностью утверждать, что все внутрирегиональные миграции маятниковые и что у всех межрегиональных миграций более длинный ритм (не ежедневный). В данном случае автор исходил из предположения, что основу маятниковых миграций составляют внутрирегиональные миграции, а также такие миграции, которые совершаются из пер-

вого (иногда второго в зависимости от конфигурации) по порядку пограничного района соседнего региона в исследуемый. Если, например, все трудовые мигранты из Московской области в Москву и из Ленинградской области в Санкт-Петербург являются маятниковыми (что в действительности не так – по данным ОНПЗ 2012 г. в Москве ежедневными «маятниками» трудились 91,4, еженедельными – 6,5%, а в Санкт-Петербурге 75,2 и 14,7% соответственно), то, следовательно, результаты, полученные для Московской и Ленинградской областей, не вполне надежны, и для исследования этих регионов требуется привлечь дополнительные источники данных. Для остальных регионов возможные ошибки оценены как незначительные.

Географию маятниковых трудовых миграций населения в соответствии с указанными выше допущениями и коррекциями иллюстрирует рис. 5, на нем отчетливо проявляются крупнейшие агломерации страны, сформированные вокруг региональных столиц и крупных городов. Согласно допущению большая часть маятниковых трудовых миграций осуществляется в пределах зон влияния региональных столиц. Помимо Московского столичного региона и Санкт-Петербургской агломерации, наибольшая маятниковая мобильность (>100 тыс. мигрантов в ближайших к центру муниципалитетах и в городах-ядрах) характерна для Краснодарской, Ростовско-Новошахтинской, Екатеринбургской, Нижегородской, Самарско-Тольяттинской и Новосибирской агломераций.

Данные о маятниковых миграциях позволяют выполнить количественную оценку пространственного распределения их интенсивности в зависимости от расстояния до ближайшего регионального центра. Оно рассчитано между геометрическими центрами муниципалитетов по прямой на поверхности

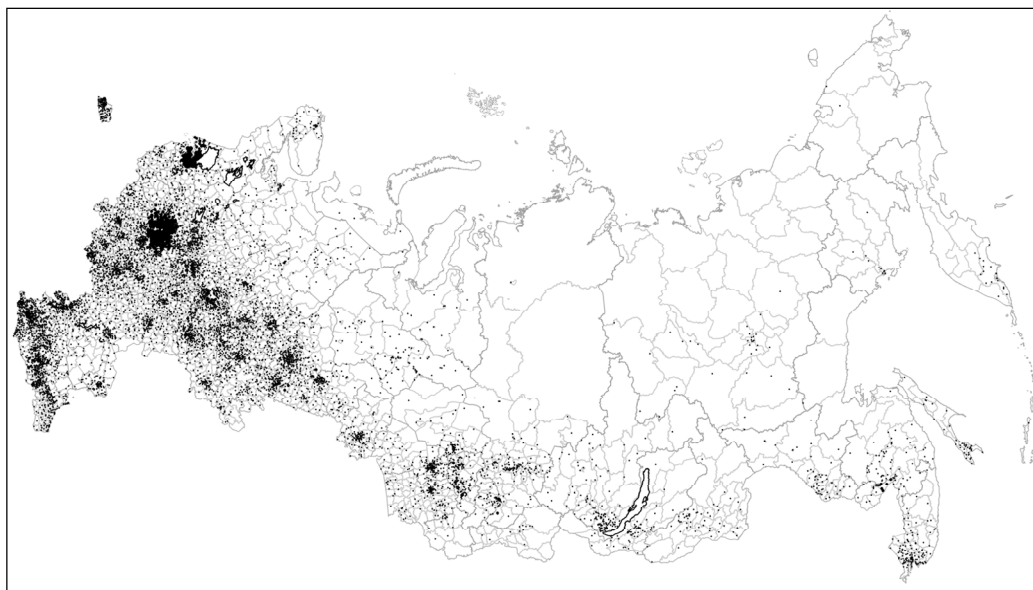

Рис. 5. Маятниковые трудовые миграции населения (внутрирегиональные и пограничные межрегиональные). Одна точка соответствует 700 человек маятниковых мигрантов

Fig. 5. Commuting labour migrations (intra- and boundary interregional). Each point corresponds to 700 commuters

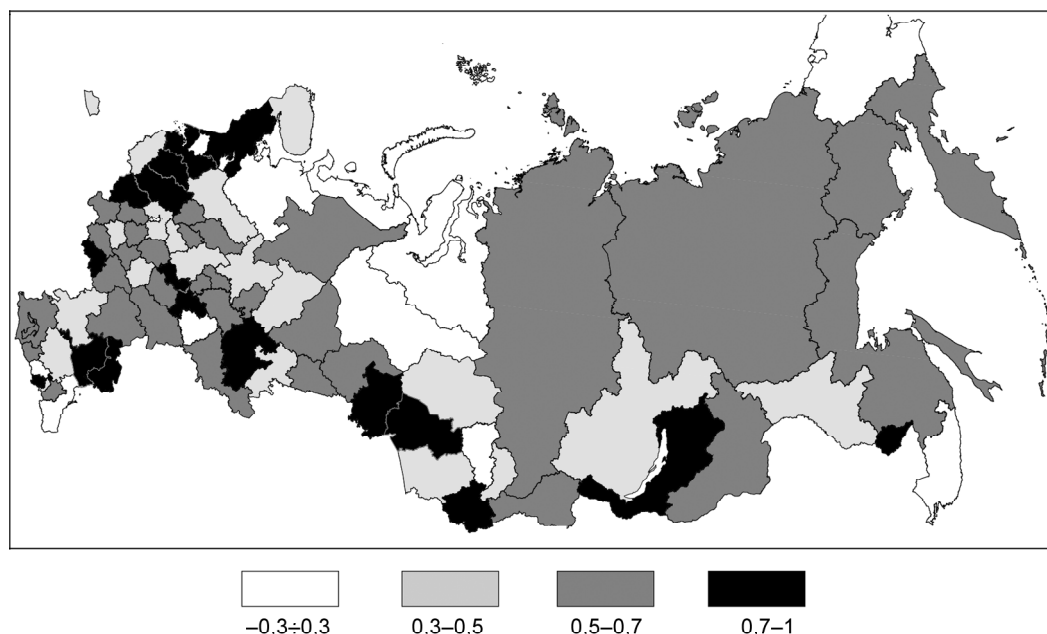

Рис. 6. Значения ЛКК между логарифмом расстояния от центра муниципального образования до ближайшего регионального центра (по прямой на поверхности Земли) и долей маятниковых мигрантов в общем числе работников

Fig. 6. Pearson correlation coefficient (PCC) between the logarithm of distance from the center of municipality to the nearest regional center (via straight line) and coefficient of labour mobility of population

земли с привлечением корреляционного анализа. Интенсивность большинства взаимодействий в пространстве изменяется нелинейно, поэтому в качестве аппроксимирующей кривой для описания соответствия взята не прямая, а логарифмическая кривая (т.е. две переменные исследуются на предмет не линейной, а логарифмической корреляции). Если распределение интенсивности маятниковых миграций в муниципалитетах будет хорошо описываться логарифмической кривой (с коэффициентом детерминации $>0,5$ или, иначе, с ЛКК, равным по модулю $>0,7$), то такое распределение будем называть правильным. Это означает, что на интенсивность ма-

ятниковых миграций почти исключительно влияет один региональный центр, а остальные крупные поселения (в силу их отсутствия в регионе или по каким-либо иным причинам) не вносят в это распределение существенных возмущений. В случае отсутствия значимой взаимосвязи между логарифмом расстояния и интенсивностью маятниковых миграций ($ЛКК < |0,5|$), можно говорить о сложно устроенной системе этих миграций внутри региона с несколькими субцентрами и другими «возмутителями» правильного распределения. Такое распределение для краткости можно назвать неправильным. Из анализа также надо исключить все региональные цент-

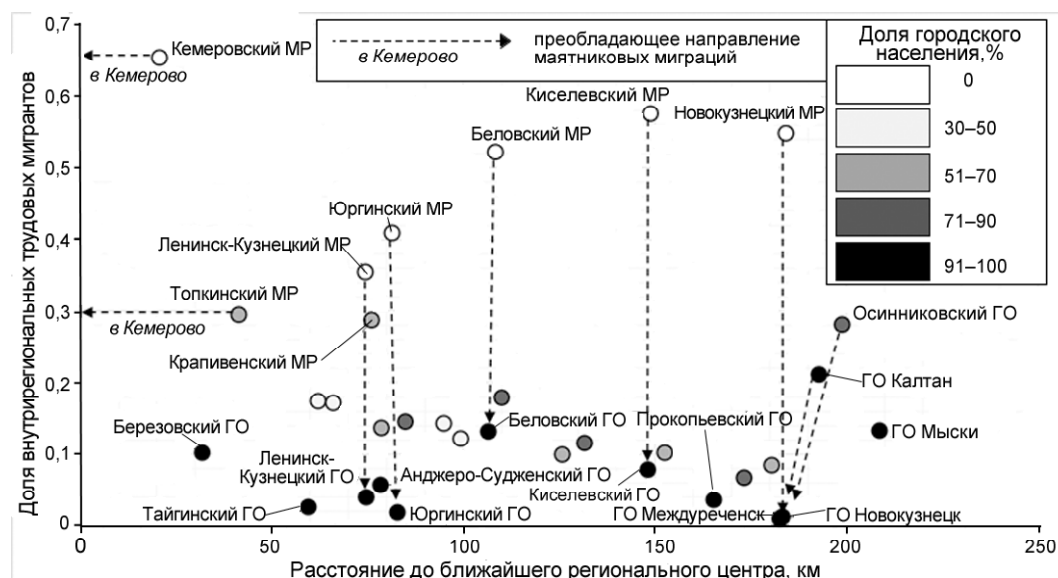

Рис. 7. Внутрирегиональная дифференциация трудовой мобильности населения Кемеровской области

Fig. 7. Intraregional differentiation of labour mobility of population in Kemerovo region

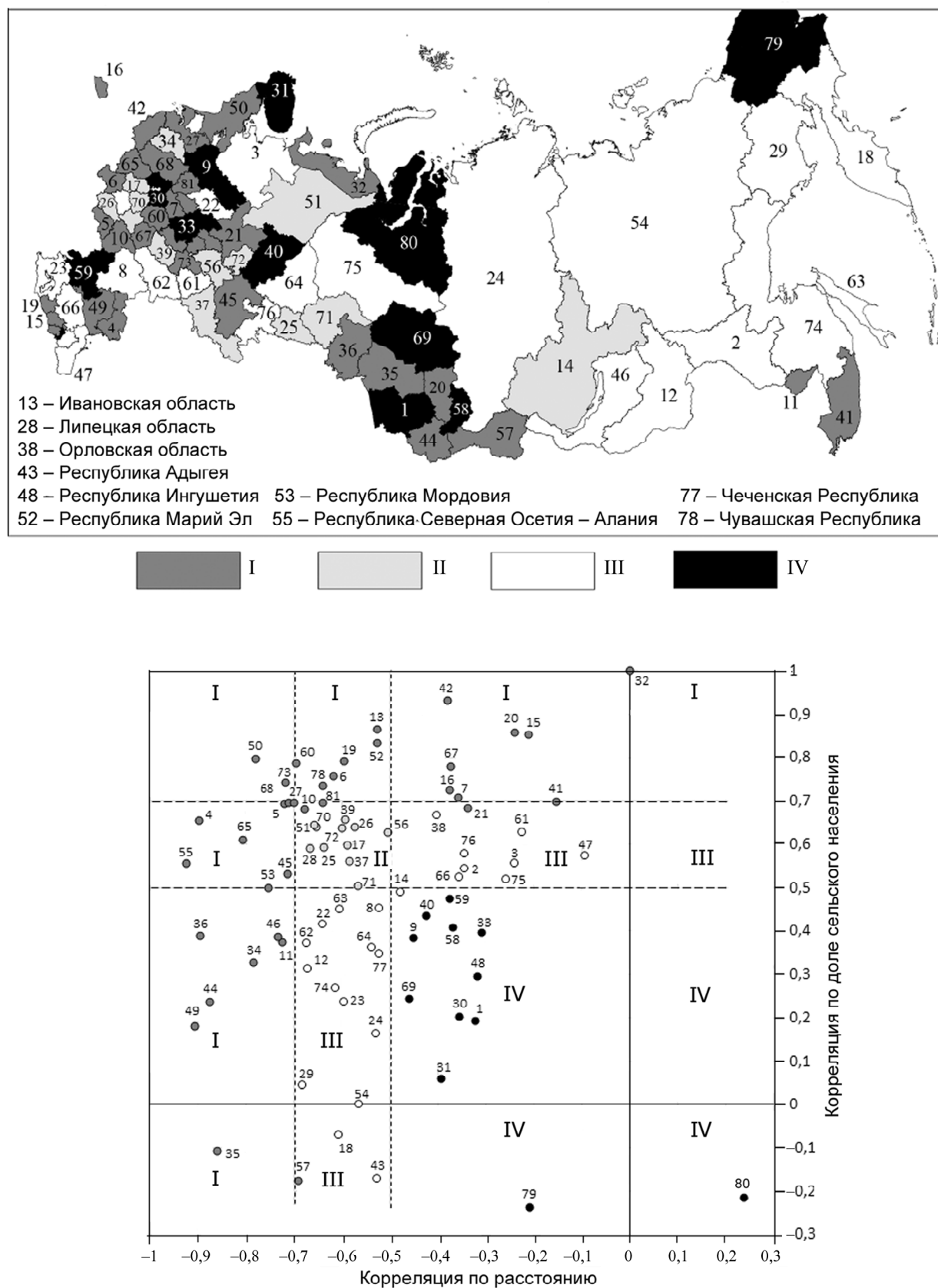

Рис. 8. Типология регионов РФ по трудовой мобильности населения, расшифровку номеров регионов см. вверху на карте, нумерация регионов по алфавиту. По оси абсцисс – ЛКК между трудовой мобильностью и логарифмом расстояния до ближайшего регионального центра, по оси ординат – ЛКК между трудовой мобильностью и долей сельского населения

Fig. 8. Regional typology based on the labour mobility of population. Numbers correspond to the regions of Russia (see the decryption on the map, numeration is in an alphabetical order). Horizontal axis

ры, поскольку нет смысла рассматривать маятниковые миграции из них в зависимости от расстояния до других региональных центров.

По результатам расчета ЛКК для всех муниципальных образований правильное распределение обнаружено для 17 регионов (рис. 6), средние значения соответствия (ЛКК от $-0,5$ до $-0,7$) имели 35 регионов, полное отсутствие взаимосвязи ($\text{ЛКК} < 0,3$ по модулю) – лишь 10 регионов. Это доказывает, что в целом влияние позиционного фактора на маятниковую мобильность для большинства регионов велико и может расцениваться в качестве ключевого для ее внутрирегиональной дифференциации наравне с фактором соотношения сельского и городского населения.

Примером, иллюстрирующим полное отсутствие взаимосвязи распределения маятниковых трудовых миграций с положением относительно ближайшей региональной столицы, может служить Кемеровская область с двумя крупными центрами (г. Кемерово и г. Новокузнецк) и несколькими городами меньшего размера (рис. 7). Они «фрагментируют» потенциальное однородное поле трудовых миграций, создавая вокруг себя «хинтерланд» трудовых ресурсов, который обычно представляет из себя соседний сельский муниципальный район. В отличие от других крупногородских агломераций, например Московского столичного региона, трудовая мобильность населения собственно городов невелика, и основу всех маятников составляет именно сельское население, что принципиально выделяет Кемеровскую область. Чтобы описать внутрирегиональное распределение трудовой мобильности для подобных полицентричных регионов, безусловно, необходимы более сложные модели на основе данных о конкретных поселениях (которые также доступны в базе данных Переписи), о морфологии дорожной сети и сети расселения.

Выявленное влияние двух факторов на интенсивность трудовых миграций позволяет разделить регионы России на 4 типа (рис. 8). К типу I отнесены те регионы, где распределение трудовой мобильности по муниципалитетам объясняется большим соответствием ($\text{ЛКК} > 0,7$ по модулю) одной из исследованных зависимостей. Число регионов этого типа – 35. К типу II отнесены регионы со значимым, но статистически меньшим подчинением обоим факторам (ЛКК в пределах $0,5$ – $0,7$ по модулю). К этому типу относится 11 регионов. Принадлежность субъекта РФ к типу I или II свидетельствует о том, что распределение трудовой мобильности населения на территории этих регионов практически полностью можно объяснить исходя из структуры населения (сельского или городского) и/или удаленности от ближайшего регионального центра, не привлекая какие-либо другие факторы (экономические, социальные, географические и т.д.).

Тип III объединяет регионы, в которых наблюдается значимое соответствие (ЛКК колеблется в пределах $0,5$ – $0,7$ по модулю) распределения трудовой мобильности по муниципалитетам одному из факторов – позиционному или типу населения. К этому типу

относится 23 региона. К регионам типа IV отнесены 12 субъектов РФ, в которых ни удаленность от регионального центра, ни тип населения муниципалитета не могут объяснить распределение трудовой мобильности. Принадлежность региона к типу III или IV говорит о том, что для объяснения трудовой мобильности населения в них стоит исследовать и другие факторы. Например, обратить большее внимание на такие особенности сети расселения (помимо его деления на сельское и городское и положение региональных столиц), как роль и дислокация крупных городов, состояние городского и сельского рынка труда и др. Регионы, отнесенные к этим двум типам, представляют наибольший интерес для дальнейших исследований трудовой мобильности населения.

Выводы:

- фактор типа населения (сельского или городского) значимо влияет на территориальную организацию трудовой мобильности населения более чем в половине регионов России. Отклонение от правила «сельское население мобильно, а городское имобильно» характерно для крупногородских агломераций (Московской и Ленинградской областей), а также для субъектов Российской Федерации со стабильным положением сельскохозяйственной занятости (юг европейской части РФ, юг Западной Сибири);

- позиционный фактор – расстояние от муниципалитета до ближайшего регионального центра – значим более чем для 60% субъектов РФ. Основные отклонения, по всей видимости, обусловлены возмущающим влиянием других крупных городов на внутрирегиональную дифференциацию трудовой мобильности (помимо регионального центра), что показано на примере Кемеровской области. Для полицентричных регионов требуется усложнение моделей пространственного распределения трудовой мобильности с привлечением данных на поселенческом уровне, данных о морфологии сети расселения и транспортной инфраструктуре;

- организация потоков трудовых мигрантов на основе двух исследованных закономерностей может быть с большой достоверностью объяснена для 46 регионов из 81 (типы I и II), еще для 23 субъектов значим один фактор (тип III). Исследованные факторы не объясняют дифференциацию трудовой мобильности в большинстве регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, в отдельных регионах европейской части РФ и Урала. Для этих регионов требуется поиск других факторов трудовой мобильности, а также проверка исследованных факторов на более сложных моделях (например, позиционного фактора с включением других крупных городов, кроме регионального центра);

- выделенные регионы типов III и IV обладают наиболее сложно устроенными с точки зрения внутренней организации системами трудовой миграции и представляют наибольший интерес для дальнейших исследований;

- географические особенности распределения трудовой мобильности населения, выявленные по результатам Переписи населения 2010 года, можно

использовать для оптимизации рынков труда отдельных территорий, например, с помощью мер, направленных на развитие мест приложения труда в тру-

доизбыточных территориях или на повышение пространственной мобильности населения там, где это затруднено объективными причинами.

Благодарности. Работа выполнена в Институте географии РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-00083 «География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверкиева К.В., Антонов Е.В., Денисов Е.А., Фаддеев А.М.* Территориальная структура городской системы севера Свердловской области // Изв. РАН. Сер. геогр. 2015. № 4. С. 24 – 38.
- Акимжанов Х.Р., Сафронов С.Г.* Социально-экономическая трансформация территориальной структуры карагандинской агломерации // Регион. исследования. 2014. № 2 (44). С. 86–96.
- Андреев Е.М.* О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопр. статистики. 2012. № 11. С. 21–35.
- Белобородов И.И.* Всероссийская перепись населения: искажение этнической реальности // Научный интернет-журнал «Семья и демографические исследования», 31.03.2014. URL: <http://riss.ru/demography/demography-science-journal/5271/> (дата обращения: 15.04.2015).
- Богданова Л.П., Драгунова А.А.* Маятниковая трудовая миграция на периферии Московского региона (на примере города Клин) // Вестн. ТвГУ. Сер. экономика и управление. 2015. № 1–2. С. 91–97.
- Великий П.П.* Неотходничество, или лишние люди современной деревни // Социол. исследования. 2010. № 9. С. 44–49.
- Зубаревич Н.В.* Регионы России. Неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый ин-т соц. политики, 2010. 160 с.
- Кузьмин А.И., Носов А.А., Давиденко А.Н., Илинбаева Е.А.* Опыт теоретического и эмпирического исследования маятниковой трудовой миграции в регионах России // Журн. экон. теории. 2013. № 3. С. 259–264.
- Мальцева Е.С.* Региональный рынок труда и проблема маятниковой трудовой миграции // Вестн. Череповецкого гос. ун-та. 2012. Т. 1, № 40–3. С. 41–44.
- Махрова А.Г., Кириллов П.Л.* Сезонная миграция расселения в Московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка // Регион. исследования. 2015. № 1 (47). С. 117–125.
- Мкртчян Н.В.* Миграционная мобильность в России: оценки и проблемы анализа // SPERO. 2009. № 11. С. 149–164. URL: http://spero.socpol.ru/docs/N11_2009_08.pdf (дата обращения: 10.06.2015).
- Некрасова Е.В.* Оптимизация внутренней миграции как механизм решения проблем моногородов Свердловской области // Экономика региона. 2012. № 2. С. 315–320.
- Нефедова Т.Г.* Занятость и отходничество населения в Ставропольском крае // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2015. № 2. С. 93–100.
- Нефедова Т.Г.* Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2015. № 3. С. 41–56.
- Нефедова Т.Г.* Поляризация пространства России: ареалы роста и «черные дыры» // Экон. наука современной России. 2009. № 1(44). С. 62–77.
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Регион. исследования. 2010. № 2. С. 42–57.
- Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А.* Отходники. М.: Новый хронограф, 2013. 373 с.
- Федеральный закон «О Всероссийской переписи населения»* (в ред. Федеральных законов от 28.11.2009 № 293-ФЗ, от 27.07.2010 № 204-ФЗ). Статья 6, п. 3. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Official/fz-293.docx (дата обращения: 20.09.2015).
- Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К.* Миграция и рынок труда: Науч. докл. Вып. 8. М.: РАН-ХиГС, 2015. 106 с.
- Чевтаева Н.Г., Егунов Э.В.* Маятниковая миграция в жизнедеятельности населения пригородов. Институты развития демографической системы общества: мат-лы V Уральского демографического форума / Под ред. А.И. Татаркина, А.И. Кузьмина. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. С. 184–187.
- Шитова Ю.Ю.* Маятниковая трудовая миграция и социально-экономическая ситуация в регионах: Автореф. докт. дисс. Дубна, 2010.
- Шитова Ю.Ю., Шитов Ю.А.* Анализ и прогнозирование маятниковой трудовой миграции в Подмоскovie // Проблемы прогнозирования. 2008. № 4. С. 112–122.

Поступила в редакцию 10.12.2015
Принята к публикации 25.01.2016

E.V.Antonov¹

LABOR MOBILITY OF THE POPULATION IN RUSSIA (ACCORDING TO THE 2010 ALL-RUSSIAN CENSUS DATA)

During the period of socio-economic transformation labor mobility is a significant factor, which smoothes over negative effects in the economy. The period of 1990s – 2000s was accompanied by economic decline and unemployment growth in Russian regions: a lot of enterprises and even whole branches cut the staff or were liquidated. Economic downfall and poor prospects of employment forced people to take on the adaptive behavior. There were two main type of such behavior: relocation to another territory or reorientation to external labor market from the same place of residence. Traditional types of «outside» labor mobility, such as seasonal work and commuting, became wide-spread.

A lot of factors influence the possibility of this type of adaptation: spatial disposition of settlements, remoteness from the main labor market centers and the level of average wages, professional skill level, path dependency etc. According to these factors the regions of the European part of Russia with relatively high

¹ Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Department of Economic and Social Geography of Russia, post-graduate student; e-mail: antonovmtg@gmail.com

density of big cities got an advantage. Moscow, Saint Petersburg and surrounding regions became the main acceptors of labor migrants. They absorbed some excessive labor force, thus helping to alleviate the crisis in local labor markets.

Intraregional differentiation of labor mobility was analyzed using the data of 2010 Russian census. The impact of the essential factors of labor mobility (such as population type and position relative to the regional center) on the migration intensity is determined for Russia as a whole and its particular regions. A typology of regions based on the examined factors of labor mobility is suggested. Regions without significant correlation with these factors are clustered in a special group, which requires further investigation.

Keywords: labor migration, commuting, population census.

Acknowledgements. The research was carried out at the Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, and financially supported by the Russian Science Foundation (project № 14-18-00083).

REFERENCES

- Akimzhanov H.R., Safronov S.G.* Social'no-jekonomicheskaja transformacija territorial'noj struktury karagandinskoj aglomeracii [Social and economic transformation of the Karaganda agglomeration territorial structure], *Regional'nye issledovanija*, 2014, no 2 (44), pp. 86–96 (in Russian).
- Andreev E.M.* O tochnostirezul'tatov rossijskikh perepisej naselenija i stepeni doverija k raznym istochnikam in formacii [On accuracy of Russia population censuses results and level of confidence in different sources of information], *Voprosy statistiki*, 2012, no 11, pp. 21–35 (in Russian).
- Averkieva K.V., Antonov E.V., Denisov E.A., Faddeev A.M.* Territorial'naja struktura gorodskoj sistemy severa Sverdlovskoj oblasti [Territorial structure of the urban system in the northern Sverdlovsk oblast], *Izvestija Rossijskoj Akademii nauk, Serija geograficheskaja*, 2015, no 4, pp. 24–38 (in Russian).
- Beloborodov I.I.* Vserossijskaja perepis' naselenija: iskazhenie etnicheskogo real'nosti [Russian 2010 Census: the distortion of ethnic reality], *Nauchnyj internet-zhurnal «Sem'ja i demograficheskie issledovanija»*, 31.03.2014. URL: <http://riss.ru/demography/demography-science-journal/5271/> (free access) (Accessed: 15.04.2015) (in Russian).
- Bogdanova L.P., Dragunova A.A.* Majatnikovaja trudovaja migracija na periferii Moskovskogo regiona (naprimere goroda Klin) [Commuting migration on the Moscow region periphery (example of Klin town)], *Vestnik TvGU, Serija jekonomika i upravlenie*, 2015, no 1–2, pp. 91–97 (in Russian).
- Chevtava N.G., Egunov Je.V.* Majatnikovaja migracija v zhiznedejatel'nosti naselenija prigorodov [Commuting in the life suburban population], *Institut razvitiya demograficheskogo sistema obshhestva, sbornik materialov V Ural'skogo demograficheskogo foruma s mezhdunarodnym uchastiem, pod redakciej A.I. Tatarina, A.I. Kuz'mina*, 2014, pp. 184–187 (in Russian).
- Federal'nyj zakon «O Vserossijskoj perepisi naselenija» [Law about Russian 2010 Census], (V red. Federal'nyh zakonov ot 28.11.2009 N 293-FZ, ot 27.07.2010 № 204-FZ, Stat'ja 6, p. 3 (in Russian).
- Florinskaja Ju.F., Mkrtchjan N.V., Maleva T.M., Kirillova M.K.* Migracija i rynek truda: Nauch. dokl. [Migration and labour market: scientific report], *Vyp. 8. Moscow, RANHiGS*, 2015, 106 p. (in Russian).
- Kuz'min A.I., Nosov A.A., Davidenko A.N., Ilinbaeva E.A.* Opyt teoreticheskogo i jempiricheskogo issledovanija majatnikovoj trudovoj migracii v regionah Rossii [Experience theoretical and empirical research commuting in Russian regions], *Zhurnal jekonomicheskoi teorii*, 2013, no 3, pp. 259–264 (in Russian).
- Mahrova A.G., Kirillov P.L.* Sezonnaja migracija rasselenija v Moskovskoj aglomeracii pod vlijaniem dachnoj i trudovoj majatnikovoj migracii: podhody k izucheniju i ocenka [Seasonal fluctuations in population distribution within Moscow metropolitan area under travelling to second homes and labour commuting: approaches and estimations], *Regional'nye issledovanija*, 2015, no 1 (47), pp. 117–125 (in Russian).
- Mal'ceva E.S.* Regional'nyj rynek truda i problema majatnikovoj trudovoj migracii [Regional labour market and problems of the commuting labour migration], *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, Vol. 1, no 40-3, pp. 41–44 (in Russian).
- Mkrtchjan N.V.* Migracionnaja mobil'nost' v Rossii: ocenki i problemy analiza [Labour mobility in Russia: the assessment and problems of analysis], *SPERO*, 2009, no 11, pp. 149–164. URL: http://spero.socpol.ru/docs/N11_2009_08.pdf (free access) (Accessed: 10.06.2015) (in Russian).
- Nefedova T.G.* Migracionnaja podvizhnost' naselenija i othodnichestvo v sovremennoj Rossii [Migration Activity of Population and Migrant Workers in Modern Russia], *Izvestija RAN, Serijageograficheskaja*, 2015, no 3, pp. 41–56 (in Russian).
- Nefedova T.G.* Poljarizacija prostranstva Rossii: arealy rosta i «chernye dyry», [Polarization of Russian Space: Areas of Growth and «Black Holes»], *Jekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii*, 2009, no 1(44), pp. 62–77 (in Russian).
- Nefedova T.G.* Zanjatost' i othodnichestvo naselenija v Stavropol'skom Krae [Employment of population and a phenomenon of seasonal work in the Stavropol Krai], *Vestnik Moskovskogo universiteta, seria 5, Geografiya*, 2015, no 2, pp. 93–100 (in Russian).
- Nefedova T.G., Trejvish A.I.* Goroda i sel'skaja mestnost': sostojanie i sootnoshenie v prostranstve Rossii [Cities and countryside in Russia: their state and correlation], *Regional'nye issledovanija*, 2010, no 2, pp. 42–57 (in Russian).
- Nekrasova E.V.* Optimizacija vnutrennej migracii kak mehanizm reshenija problem monogorodov Sverdlovskoj oblasti [Optimization of internal migration as a mechanism for solving the problems of monotowns in Sverdlovsk region], *Jekonomika regiona*, 2012, no 2, pp. 315–320 (in Russian).
- Pljusnin Ju.M., Zausaeva Ja.D., Zhidkevich N.N., Pozanenko A.A.* Othodniki [Othodniki], Moscow, Novyj hronograf, 2013, 373 p. (in Russian).
- Shitova Ju.Ju.* Majatnikovaja trudovaja migracija i social'no-jekonomicheskaja situacija v regionah [Commuting labour migration and socio-economic situation in regions], *Avtoref. dokt. diss.*, Dubna, 2010 (in Russian).
- Shitova Ju.Ju., Shitov Ju.A.* Analiz i prognozirovanie majatnikovoj trudovoj migracii v Podmoskov'e [Analyzing push-pull migration (the case of the Moscow region)], *Problemyprognozirovaniya*, 2008, no 4, p. 112–122 (in Russian).
- Velikij P.P.* Neothodnichestvo, ili lishnie ljudi sovremennoj derevni [Redundant people of the modern village], *Sociologicheskie issledovanija*, 2010, no 9, pp. 44–49 (in Russian).
- Zubarevich N.V.* Regiony Rossii. Neravenstvo, krizis, modernizacija [Russian regions: the disparity, crisis, modernization], Moscow, Nezavisimyj in-t soc. politiki, 2010, 160 p. (in Russian).

Received 10.12.2015

Accepted 25.01.2016